

Книги Ольги Громыко,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Тетралогия
«Профессия: ведьма»
ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА
ВЕДЬМА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА
ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ

ВЕРНЫЕ ВРАГИ
ЦВЕТOK КАМАЛЕЙНИКА
БЕЛОРСКИЕ ХРОНИКИ
ГОД КРЫСЫ. ВИДУНЬЯ
ГОД КРЫСЫ. ПУТНИЦА
КОСМОЭКОЛУХИ
КОСМОПСИХОЛУХИ
(в двух томах)
КОСМОТЕХНОЛУХИ
(в двух томах)

КРЫСЯВКИ
Крысиное житие в байках и картинках

В соавторстве с Андреем Улановым
ПЛЮС НА МИНУС
КОСМОБИОЛУХИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ОЛЬГА ГРОМЫКО

ВЕРНЫЕ ВРАГИ

РОМАН

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1007

Художник
В. Успенская

Громыко О.

Г87 Верные враги: Фантастический роман.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016.— 476 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2238-8

Это – сказка, рассказанная зимней ночью. Веселое и грустное повествование о вражде и дружбе, магии и смекалке, благородстве и предательстве, любви и ненависти, между которыми один шаг по глубокому снегу. Это – кусочек белорусской истории, не попавший в летописи, но воспетый в легендах. А что в ней ложь и что правда – пусть останется на совести автора...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2238-8

© Ольга Громыко, 2005
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

Автор сердечно благодарит педантичную Анну Полянскую, придирчивую Юлию Морозову, несравненную Ярославу Кузнецову, добросовестную Марину Гилёву и многострадальную Яну Бойченко, без чьего критиканского участия эта книга была бы иной или не была вообще.

Все претензии тоже к ним.

Безжалостны истории страницы,
Писать на них — удел не слабаков.
За каждой строчкой — чьи-то судьбы, лица,
Рев пламени, лязг стали, стук подков.

Но время — добрый друг и враг заклятый —
Неумолимо увлечет их в тень,
И станет для потомков просто «датой»
Кому-то жизнь перевернувший день.

...И знали бы невольные герои,
Борясь, спасая, веря и любя,
Что, заполняя летописи кровью,
Ни капли не оставят для себя...

*Белорские хроники конца IX в., т. 7,
раздел «Легенды и предания»
Автор неизвестен¹*

ГЛАВА 1

— А колдуна-то нашего прибили вчера,— невесть с чего сказал корчмарь, поочередно вытирая небрежно сполоснутые в бадейке кружки. День выдался серый, тоскливый— поздняя осень, все никак не уступающая зиме; не хотелось горожанам ни пивка, ни жареной картошечки — надо сказать, скверно жаренной, на прогорклом жиру,— да и вообще не хотелось выходить в этот то ли дождь, то ли туман, висящий над городом с прошлой недели. С полдюжины человек только за столиками и сидело.

---

¹ Здесь и далее — я за него! — *О. Громыко*

— Хм? — Я вежливо приподняла левую бровь. Болтать с корчмарем меня не тянуло, слушать тоже, но в «Волчьей пасти» я считалась завсегдатаем, соответственно пользовалась скидками, а за это терпеливо изображала приличную клиентку. Хорошее название, из-за него в первый раз и зашла. Корчма как корчма, не хуже и не лучше других. Над камином распялена волчья шкура с головой и вычервленной пастью, у всех девок на передниках рунический знак оборотня, сзади тряпкой болтается пришитый хвост. И чесночок со стрелолистом по стенам развешан на всякий случай — мало ли, вдруг нежить примет все за чистую монету и кинется в корчму. Забавно.

— Наши и прибили, — охотно подхватил корчмарь, — народу-то вчера поболее сидело, к вечеру распогодилось чуток, вроде как и солнышко выглянуло, ну, людишки к ужину и подтянулись. И Старый Хряк был, и Щот-рыжий, и милсдарь Жолард изволил чарку винесского спросить. Девки, само собой, крутились. Ну и колдун. Чего, спрашивается, приперся? Сел у окна и взглядом дурным ведет, ровно не лошадь его везла, а сам добрый час под седлом скакал. Сидит и сидит, ничего не просит. Девки боятся подходить, друг на дружку кивают. Делать нечего, пошел сам. «Чего подать-то? — спрашиваю. — У нас тута забесплатно греться не принято». Гляжу — и впрямь какой-то пришибленный, ровно не понимает. В упор тарашится. Потом сморгнул и говорит: «Мяса шмат принеси, да прожарь хорошенько».

Видно, успел где-то наколдоваться, рассеянно подумала я. Магия отнимала много сил, а лучше всего их восстанавливала животная пища и подогретое красное вино. Вина он не спросил, значит, хотел сохранить ясную голову.

— Ну, усрал я мальчишку в подвал окорок пластать — жаркое-то кончилось, все раскупили, а сам пиво разливаю. Шесть кружек наполнил, на поднос смахнул и Кветке велел нести. Глупая девка, но пригожая, — пояснил корчмарь, — и спереди и сзади подержаться есть за что. Как пошла по залу, все уставились: кто на зад, кто на перед, кто на пиво. Колдун тоже глянул, а дурында эта поскользнулась на ровном месте да так на пол и загремела, двух шагов не донесла. Пиво на клиентов вывернула, косорукая. Аккурат Корькехромому на штаны новые, он их как раз обмывал. Вот те

и обмыл, хе-хе... Корьку-то помните? Мужик такой здоровенный, на складах бочки катает? Ну, который в том году по пьяни в колодец упал? Морозы тогда страшные стояли, вода до доньшка в камень замерзла. Другой бы вусмерть, а этот только ногу сломал. Еще песни срамные оттуда орал до утра, во хмелю и не болело-то.

— И?

А вот что в «Волчьей пасти» было действительно выше всяческих похвал, так это жареные семечки: пузатые, в меру присоленные, высыпанные в широкую плоскую миску на стойке — бери, кто хочешь, сколько в горсть влезет. Или, воспользовавшись напавшей на корчмаря говорливостью, прямо оттуда лузгай, нахально выбирая самые крупные.

— Ну, стрельнуло ему в башку, будто это колдун ей ноги подшиб, сглазил. Нарочно. Встал, стул за ножку да как жажнет колдуну по темечку! Тот, знамо дело, руку вскинул — не долетел стул, в воздухе рассыпался, а Корьку аж до стены по полу прокатило и задницей в камин впечатало. А колдун еще больше сбледнул, покачнулся, сесть, видать, хотел — давай стул руками искать, будто незрячий. Только Корька не один был, с дружками, они за колдуна и взялись. Двое за руки держали, а остальные били по очереди. Долго били, он уж и не дергался, а они все норовили покрепче приложить. Один даже не поленился, за оглоблей сбегал. Попереломали руки-ноги, раздели, шмотье и цапки поделили. Мне вон тоже дали, — корчмарь порылся в кармане передника, показал какую-то висюльку — то ли пластинка кремня, то ли черная блестящая кость.

Драконья чешуйка, поняла я, взяв амулет в руку.

— Не уступите?

— Да бери так, на кой она мне? — Как будто даже с облегчением разрешил мужик. Кому охота с Ковеном Магов связываться, если до него дело дойдет. Потом доказывай, что просто смотрел... да и за «просто» по головке не поглядят. — А самого к оврагу сволокли, раскачали и вниз скинули. Там грязи теперь по колено, в овраге-то. Потоп, поди. Захлебнулся.

— Не все равно, трупу?

— Когда за порог вытаскивали, дышал еще. Кровь в горле клокотала.

«Баба с возу — волкам легче», — подумала я, пряча амулет. Колдунов, всесильных выскочек, никто не любил. Боялись, уважали, но если уж били, то всем скопом, чтобы наверняка.

Я пару раз видела его в корчме, а потом встречала и на улицах города. Высокий, черноволосый, молодой еще мужчина. Довольно смуглый, но светлоглазый, с располагающим, слегка ироничным лицом. Как-то раз он пришел с учеником и снисходительно наблюдал, как тот впервые пробует крепкое здешнее пиво. Мне почему-то запомнились длинные чуткие пальцы с единственным, простеньким с виду кольцом, прямо из воздуха доставшие золотую монету для расплаты с корчмарем. Тот даже не поверил, надкусил — не морок ли.

Я отряхнула шелуху, расплатилась и решительно встала. И так уже засиделась, серь за окном начала сгущаться в ранние осенние потемки.

Что ж, прибили — туда ему и дорога.

Жила я за городскими стенами — трехсаженной каменной кладкой со сторожевыми башенками и высокими воротами, запирающимися на ночь. Хозяин частенько предлагал мне подыскать комнатуху в городе, но я отказывалась. Зачем? Тогда пришлось бы избавиться от коня и козы да еще платить за съем. Именно избавиться — один прихрамывал, вторая доилась вполовину меньше положенного и упорно не желала обзаводиться потомством. Кто ж их купит? Только живодер.

Да, в лесу волки, медведи, упыри. А в городе люди, и огнем их не отпугнешь. Те же колдуны. Я как раз проезжала мимо оврага и не удержалась: спешила, приторочила к седлу вещи и шлепнула мерина по вислому крупу. Дымок, привычный, махнул хвостом и неспешно потрусил домой.

А я решила убедиться. Кто их, колдунов, знает. Может, сам слух о кончине и пустил, а ты потом жди удара в спину.

Опуститься на колени.

Сосредоточиться.

Готово.

Подобравшись к самому краю, я заглянула в черный разлом оврага. Склон круто нырял вниз, спускаться по нему было небезопасно, а вот чуть левее топорщились кусты, за которые можно придержаться.

Корчмарь приврал, грязи на дне было не так уж много. Не человеку — собаке по колено.

Долго искать не пришлось. Он лежал прямо под обрывом на спине, нелепо раскинув изломанные конечности. Светлое пятно на черной земле, алая каемка.

Я злорадно оскалилась: он был жив. Пока. Садиться рядом в грязь, пачкать шубу ради пяти минут торжества... мелочного, глупого, но заманчивого? Я села. Ему на живот.

Человек охнул и раскрыл стекленеющие глаза. Медленно перевел на меня, мучительно попытался свести в одной точке. Узнал.

— Говорят, ты искал меня, колдун?

Он беззвучно шевельнул разбитыми губами. Из рта плеснула кровь, маслянисто обволокла подбородок. Запах мне понравился. Наклонившись, я провела языком вдоль его щеки, к глазу, собирая темные сгустки.

Колдун судорожно дернулся. Зря. Я никогда не начинала есть с головы. Так, примерялась.

— Ну и живучий же ты, — сглотнув, со смесью восхищения и издевки протянула я. — Почти как я, хоть однажды и провалялась в постели несколько дней, заживляя рану от твоей стрелы. У гномов небось покупал? Эти умеют делать наконечники, без мясницкого ножа не вытащишь. Хорошо, шрамов на мне не остается, они, говорят, злопамятности способствуют. Надо сказать, странный у тебя способ завязывать знакомство с женщинами...

Он смотрел на меня не мигая. Ненависть во взгляде угасала вместе с жизнью. Небось боролся до последнего, пытался стянуть раны остатками колдовства. На что, интересно, потраченного? И долго-то как держался, видать, ждал, надеялся, что за ним кто-то придет. А теперь — все. Пришли. Глаза потухли, кровавой ореол вокруг тела начал быстро разрастаться.

Тогда я схватила его зубами за плечо, привычно перекинула за спину и неторопливо потрусилась по дну оврага, оставляя в грязи четкие отпечатки когтистых лап.

Избушка была маленькая, неказистая, перекошенная. Кажалось, от падения ее уберегает только прислоненная к стене рогатина. Над разбитым крылечком изогнулась в поклоне старая узловатая яблоня, в будке с проломанной крышей иногда неслась единственная курица. Днем хохлатка бродила по полянке, благоразумно не выходя за редкий плетень. Лесное зверье глотало слюнки, но переступить мои метки не смело.

В нараспашку открытом сарае фыркнул, топнул конь, заблеяла коза. Паршивка, зря только я ее два раза к козлу тягала — так и не отяжелела, зато все еще доилась. Меньше, чем летом, но на сметанку с творогом собрать удавалось. Все они здесь приبلудные — и безрогая длинноглазая Майка, отданная в счет долга, на борщ, и дымчатый, немолодой уже меринок, кем-то выгнанный в лес за хромоту. Даже кошка, которая считается дикой, но никогда не опаздывает к дойке. И я сама, впрочем. На избушку я набрела случайно, долго присматривалась, кружила по округе, но за неделю хозяин так и не сказался. Не объявился и за три года моего самоуправства.

Назвать избу совсем уж нежилой было неверно — в печной трубе гнездилась сова, под крыльцом процветал топотливый ежиный выводок, чердак загадили летучие, а подпол — полевые мыши. Всех их я безжалостно вымела-выкурила, вставила окна, законопатила щели мхом, из утвари что подновила, что выбросила. Главное, печь была цела. Сначала я спала на ней, потом, купив перину с подушкой, перебралась на постель в единственной маленькой комнате. Изба, в шутку прозванная логовом, помаленьку обрела жилой вид. Не стыдно и гостей привести. Принести.

В протопленной с утра печи стояли два горшка с водой, сейчас они оченьгодились. Я свалила колдуна на ошпаренный кипятком стол, выставила на лавку темные склянки без подписей, разодрала на полоски новую льняную простыню и принялась за работу. По правде говоря, его легче было разделать, чем собрать (а опыт у меня был, и немалый, в обеих областях). После пятичасовой возни свободными от повязок остались только живот, голова, левое плечо и правая голень, пестревшие синяками. Оглобля поработала на славу, больше всего я намучилась с раздробленными

костями, укладывая их в лубки. Колдун превратился в не-
ряшливо, но крепко спеленатую куклу, такой же холодный
и безжизненный.

Я перетащила его на широкую лавку у печи, в закуток,
отгороженный занавеской. Вскипятила воды, настояла тра-
вок и принялась отпаивать тепленьким, по каплям вливая
в приоткрытый рот. Больше всего мне не нравилось полное
отсутствие сопротивления — как текущей в горло жидкости,
так и смерти. Долго так продолжаться не могло, либо он
согреется и нормально задышит, либо сдохнет. Я не реши-
лась уснуть, осталась ждать перелома, взбадривая себя тем
же снадобьем. Лично мне помогало.

Под утро колдун начал отходить, пришлось неотлучно
сидеть рядом, ругать, тормошить, дышать в насильно раз-
жатый рот, вместе с воздухом делясь жизненной силой. Мы
это можем, хоть и не слишком эффективно — большой рас-
ход при передаче. К обеду я вымоталась, как собака, а он
все никак не мог определиться с тем или этим светом. Во
время очередного затишья я плюнула на все и уснула, а
может, потеряла сознание. Очнулась только глубокой ночью.
Колдун тихо сопел, пригревшись между мной и печью. Я
встала, тщательно подоткнула одеяло, не оставляя лазеек с
трудом накопленному теплу. Долго стояла и смотрела, раз-
мышляя, но ничего путного так и не надумала. Только про-
голодалась.

Пора было идти на охоту.

По волменским меркам Выселок считался городком за-
холустным, хотя давал приют примерно тысяче жителей.
Пограничье с Ясневым Градом не делало его привлекате-
льнее, так что жили здесь в основном купцы, ремесленники
и селяне, разбивавшие свои огородики прямо у городских
стен. Знать и маги предпочитали более хлебную столицу,
Вагеру.

Стоял в Выселке и небольшой воинский гарнизон, он
же городская стража, ибо работать по основной специаль-
ности легионерам не доводилось уже лет двести, с момента
подписания мирного договора с эльфами. Белория, распо-
ложенная за Ясневым Градом, вообще именовалась «брат-
ской державой» — то есть если и пакостила, то исподтишка

и не признаваясь. К тому же проще пройти босиком по рву со змеями, чем пересечь эльфийско-дриадский лес без позволения его хозяев.

Возможно, некогда сюда и в самом деле выселяли негодных королю людей, но сейчас это был самый обыкновенный, тихий и невзрачный городишко, где все друг с другом здороваются, но зачастую знают только в лицо. Что меня вполне устраивало.

На работу я добралась ближе к полудню, сонная, злая и поминутно зевающая. Хозяин, хоть и выспавшийся, пребывал не в лучшем настроении — влетело и за опоздание, и за вчерашний прогул. Я вспылила, демонстративно брякнула о пол глиняную ступку, в которой уже начала растирать брусничные листья, и потребовала расчет. Хозяин тут же пошел на попятный, окрестил прогул «выходным» и велел в следующий раз предупреждать заранее. Я нагло предупредила, развернулась и ушла. Ничего, переживет. Обзовет про себя стервой и упирицей, но вслух повторить не посмеет. Иначе вообще в отпуск уйду, первый за три года.

...Уже за дверью услышала, как хозяин, ворча себе под нос, достает из шкафа новую ступку. По моим прикидкам, их там еще на полгода столь же плодотворного сотрудничества хватит, потом снова придется оптом у гончара закупать...

Я вернулась вовремя — колдун открыл глаза. Больные, тусклые, но разумные. Пока он вяло осматривался, я нацедила в кружку супа, придерживая ложкой гущу. Села на край постели. Он не удивился и не испугался. Видно, считал, что хуже быть уже не может. Наивный. Разубеждать его я пока не стала. Поддержала кружку в ладонях, прикидывая, не слишком ли горячо. И услышала, как снаружи тихонько хрупнула ветка.

Я беззвучно поставила кружку на пол. Подкралась к окну, выглянула. Во дворе стоял, боязливо озираясь, парнишка лет тринадцати.

— Ученик твой явился, — с гадкой ухмылкой сообщила я. — Пожалуй, мне тоже стоит заняться его образованием. Ты не против?

Он был против, да еще как. Но взглядом я испепелялась плохо, а чего-нибудь подейственнее у него не было.

Незванный гость выглядел неважно. Дранный полушубок, перевязанные веревочками опорки, синяк под глазом. Мы внимательно изучили друг друга, не торопясь с приветствиями и пожеланиями доброго вечера.

— Ты оборотень, — наконец то ли спросил, то ли обличил меня паренек.

— Ну и что?

Такого ответа он явно не ожидал.

— Ну и все, — проямлил он, — конец тебе пришел...

Ох, давно я так не смеялась! Причем искренне.

— Маловат ты для моего конца, щенок. Даже на начало не тянешь. Как догадался-то? — мирно спросила я, и он растерялся еще больше. Запинаясь, послушно ответил:

— Мой мастер давно тебя выслеживает, все узнал: и где живешь, и что Шеленой зовут, только прикончить осталось.

Зря он это. Никогда не разговаривай с тем, кого собираешься убить. Особенно если боишься его до колик в желудке. Враг становится еще сильнее, а ты слабеешь. Вон ноги уже дрожат, подгибаются.

— Выходит, вовремя мужички его порешили, — равнодушно заметила я, — тебе-то чего надо?

Он зажмурился и на одном дыхании выпалил:

— Мстить пришел.

— О! Это серьезно, уважаю, — восхитилась я. — А почему именно мне? Мужичков с оглоблями боимся? Могут не понять юмора?

— До них тоже доберусь, — срывающимся голосом пообещал он. — Вот тебя уделаю, сокровища награбленные заберу, подучусь малость, а там и их черед придет!

Я разочарованно присвистнула:

— Экий ты у нас корыстный, я-то думала — и правда мститель. На человека побоялся руку поднять, а на меня, выходит, можно. Особенно ради денежек.

— Ради мастера! — отчаянно выкрикнул он. — Ты его сожрала, погань! Я следы в овраге видел! Он живой еще был, оборотни мертвечины не жрут!

— А если и сожрала, — задумчиво прикинула я, — какая разница? Он бы все равно к утру окошел, ты же к нему на помощь не торопился. Так что скажи спасибо и проваливай!

Он всхлипнул и вытащил меч. У меня отвисла челюсть. Не знаю, как убивать, но отпиливать им трофейную голову пришлось бы долго. Такого неуважения к противнику я еще не видывала. Идти в дом за своим клинком было лень, да и смешно. Я осталась стоять, руки в боки, мерзко подхихкивая.

Заорав для храбрости, паренек бросился вперед. Он еще и рубиться не умел, простой меч двумя руками за рукоять держал. Пару ударов я пропустила, уворачиваясь с восхищенным аханьем, а затем по-простому изловила меч за середину и пнула дурня в живот. Второй удар пришелся в опущенное лицо, на сапоге осталась кровь.

— Проваливай, щенок,— негромко сказала я, выждав, пока он отскулит и высморкается. Бросила меч ему под ноги.— Придешь, когда подучишься. Хотя бы правильно оценивать врага.

Не сводя с меня ненавидящего взгляда, он медленно наклонился, подобрал меч и побрел прочь. В ножны не вложил, острый кончик царапал землю. Худенькие плечи вздрагивали, пацан явно сдерживал рыдания. Дурак.

Я выждала, пока он скроется из виду, покачала головой и вернулась в дом. Вытерла сапог подвернувшейся тряпкой, бросила в угол, к прочему мусору. Вечером смету и вынесу.

— Что ты с ним сделала? — впервые подал голос колдун. Вернее, хрип, еле слышный и неразборчивый.

— Преподала урок,— устало сказала я, присаживаясь на стул и поднимая с пола кружку.— Пей давай.

Он сжал зубы и попытался отвернуть голову, но даже это ему не удалось, сдержала вмятина в подушке. У меня вырвался истерический смешок. Запоздало догадалась: не верит. Думает, прибила его горе-ученичка, отволокла в кладовую и теперь буду варить из него супчики.

— Когда он придет в следующий раз — а он придет, хвост даю на отсечение,— вкрадчиво сказала я,— у меня может и не быть такого хорошего настроения. Так что тебе лучше меня не сердить.

Он с трудом шевельнул губами:

— Что тебе от меня надо?

— Выпей — скажу.

Колдун не ответил, но и не противился, когда я подняла ему голову и начала потихоньку вливать сытный отвар.

— Вот и молодец, вот и умница,— с легкой издевкой приговаривала я, пока чашка не опустела,— а теперь спи давай.

Он попытался что-то сказать, светлые глаза возмущенно расширились, потом угасли и медленно закрылись. Да, обманула, подмешала сонного зелья. Будет еще время поговорить. И самой понять, на кой он мне сдался — смертельный враг, охотник за нежитью, до сих пор не утруждавший себя беседами с оборотнями.

По городу поползли странные слухи. Якобы в небе над вересковыми пустошами видели дракона. Здоровенного, черного с прожелтью. Шумно хлопая крыльями, он проскользнул среди облаков, потом вынырнул из них, покружил, словно разыскивая кого-то, разочарованно взревел, плюнул огнем и улетел обратно.

Кое-кто шепотом добавлял: зря, мол, колдуна прибили, он бы живо ящера за хвост ухватил да из шкуры вытряхнул. Вот пуцай те, кому он помешал, его и заменяют — логово ищут, башку гаду откручивают, а уж на бесхозные сокровища всегда охотники с подводами найдутся. Увы, здоровый дракон воодушевлял мастеров оглобли куда меньше большого колдуна, они отсиживались по домам, надеясь, что купцы-очевидцы приняли за дракона ворону. Огнедышащую, о чем красноречиво свидетельствовал выжженный круг в центре пустоши.

Я дракона не видела, над логовом он не летал, а колдун был совсем плох. В себя он приходил далеко не каждый день, и даже в эти редкие часы от него было мало толку: разговаривать со мной он не желал или просто не мог, устало закрывая глаза, когда я подсаживалась к его постели с ушатом теплой воды и горстью ветоши. Порой стонал, если думал, что я не слышу. Нужные травы у меня были, но пользоваться ими приходилось с крайней осторожностью, он и так был слишком слабый, апатичный. Боль, по крайней мере, не давала ему впасть в предсмертное забытье.

Днем меня не было дома, большую часть ночи — тоже, и, возвращаясь, я с порога прислушивалась: дышит ли. Ды-

шал. Иногда слабо и редко, иногда метался в жару, жадно хватая ртом воздух.

Как я и предполагала, через недельку ученик набрался духу и заявился снова. Еще более оборванный и жалкий, с арбалетом и одной-единственной стрелой. Естественно, промазал, а я не отказала себе в удовольствии оставить на его задку четкий отпечаток подошвы. И арбалет отобрала. Хороший, отлаженный. Вот бы топор в следующий раз принес, размечталась я, мой-то вконец иззубрился.

А арбалет повесила на стену и стрел для него прикупила. Мало ли что.

Мало ли кто.

Дни проходили за днями, выпал первый снег, второй, третий... пятый остался лежать, укутав землю пушистым одеялом толщиной в локоть. Замерзли реки, по ночам в лесу трещали обледеневшие деревья, печку приходилось топить по два раза на дню, утром и вечером. Мои вылазки стали короче и все реже приносили успех. Зверски коченели лапы, если за пару часов не удавалось никого поймать, я сдавалась и бежала домой, стуча зубами. Перекидывалась у сарая, за поленницей, потом босиком по снегу. Лапами засов не отодвинешь, да и мало ли кто завернет в гости: голая девка, выскочившая из баньки — это одно, а корежащий на крыльце оборотень — совсем другое.

Может, другим девкам и доставляет удовольствие прямиком из парной гольшом ухнуть в прорубь, еще и поплежаться с радостным визгом, но меня подобные развлечения никогда не приводили в восторг. Хоть бы поскорей добежать, окунуться в избяное тепло, одеться и нырнуть под одеяло, досыпать, если до рассвета еще далеко и суетиться по хозяйству рано...

Сегодня мне повезло — в пасти, а теперь в руках тряпично моталась заячья тушка. В логове чуть слышно вздохнул, нетерпеливо шевельнулся спеленатый колдун. Он узнавал о моем возвращении задолго до скрипа щекотки, каким-то непостижимым чутьем. Услышать не мог, это точно. Не много радости в приходе врага, но после трех недель неподвижности, в тишине и полумраке тесного закутка, начинаешь ценить и такую малость. Заживающие раны зудели,

он хотел есть и пить, а еще — чтобы его вымыли, перетряхнули слезавшуюся постель, подставили посудину. Хотел — но никогда не просил. А потом молча смотрел, как я суечусь на кухне, нарочно раздвинув занавески. Истосковался по свету, живым звукам, хоть какой-то зацепке для взгляда.

Порой я приходила в крови, споласкивалась над бадьей, с наслаждением глотая стекающую по лицу воду. Он всякий раз напряженно подавался вперед, потом успокаивался. Интересно, как отличал? По запаху, что ли? На людей я не охотилась. Сейчас, по крайней мере.

Он знал, что я его жалею. Не понимал, явно ожидая какого-то подвоха, но и не изображал воплощение ненависти, бесстрастно пропуская мимо ушей все насмешки. Я в общем-то и не собиралась его унижать, просто не могла удержаться от колкостей. Но все реже и реже. Колдун вызывал невольное уважение — искалеченный, совершенно беспомощный, но несломленный. Притворяться он тоже не считал нужным. Я частенько задумывалась: а что он будет делать, когда поправится? Вызовет меня на честный бой или молча уйдет, отложив поединок до первого найденного в лесу трупа? В любом случае в спину не ударит.

Но его проклятый ученик меня достал! Самой удачной его находкой был толченый перец. Мешок извел, не меньше, сыпучей струйкой очертив кольцо вокруг логова. Я, конечно, ничего не имела против перца в супе, горошком, но толченая дрянь напрочь отбила у меня нюх на несколько дней, пока ветер не разогнал ее по лесу. До этого назойливый щенок пытался читать под окнами заклинания, нараспев, жалостливо так, я аж заслушалась, но эффекта так и не дождалась. Капкан медвежий под самое крыльцо приволок, неумело замаскировав снегом. Мне он не мешал, но пришлось разрядить из-за бродившей по двору живности. И кто ему сказал, что оборотни боятся дохлых ворон?! Штук пять по плетню развесил, смердели жутко. Еще ужаснее ругалась я, на рогатине относя их в лес и предавая земле. В смысле снегу.

Сегодня вон порог водой облил. То ли просто из вредности, то ли и впрямь освятил в храме ведерко-другое.

Позавтракав, я оседлала коня и поехала в город, на работу. Смирный, залохматившийся к зиме Дымок в охотку трусил

по лесным тропинкам, по-драконьи выпуская из ноздрей белые струйки пара. В городе меня хорошо знали. Встречные селяне раскланивались, снимали шапки, стражники у ворот перебрасывались скабресными шуточками. Очень их интересовало, когда же я найду себе если не мужа, то хотя бы мужика. Дескать, негоже бабе одной в лесу прозябать. Я отшучивалась, но составить мне компанию не предлагала. Да они особо и не настаивали, таких девушек в городе — пруд пруди. Впрочем, я ходила не только на то, чтобы в оном пруду квакать, — среднего роста, стройная, синеглазая... не Кветка, конечно, но какие-никакие перед и зад тоже имеются. Русые волосы днем заплетены в косу, челка подстрижена до бровей, чтобы не лезла в глаза ночью. На таких обаятельных серых мышках охотно женятся и так же, не задумываясь, изменяют им при первом удобном случае.

Вот только мало кто знает, что серыми бывают не только мышки.

Работала я, смешно сказать, помощником знахаря. Летом собирала и сушила травы, зимой готовила снадобья. Смешно — потому что толстяк-знахарь раздувался от гордости за рецепты своих «эликсиров», частью полученные в наследство, частью купленные за большие деньги у королевских лекарей. А что больные от тех снадобий порой помирали — так у конкурентов и того хуже. Я пару раз предлагала внести кой-какие изменения, но хозяин либо смеялся, либо грубо советовал не лезть не в свое дело. Откуда ему было знать, что оборотень по запаху травы может сказать, от чего она помогает и с чем лучше всего сочетается? Зато клиенты живо подметили, что золотая монетка, сунутая проворной девке, существенно повышает шансы на исцеление. Хозяин пару раз ловил меня на мздоимстве и пытался закатить скандал, но я с ледяным лицом напоминала, сколько он мне платит, и предлагала нанять другую дурочку за те же деньги.

День выдался суматошный, вместе с холодами по городу распозлись болезни, пришлось объехать несколько десятков человек, развозя заказанные снадобья. Конь устал и по дороге домой начал прихрамывать — сначала чуть-чуть, потом ощутимо припадая на левую заднюю ногу. Последнюю версту я шла пешком, нахохлившись и засунув озябшие руки в карманы, а Дымок покорно ковылял следом, стараясь

не угодить копытом в петлю свисающих до земли поводьев. Валил мелкий, но частый снежок, слепя глаза и забиваясь под воротник.

Во дворе меня терпеливо поджидал непутевый мститель, сгорбившись на лавочке у плетня. Сверху, на одном из кольев, сидела курица, заснеженная и недовольная. При виде меня она радостно кудахтнула и порхнула парню на голову, сбив шапку, а оттуда на землю. Побежала навстречу, звучно хлопая крыльями.

— Измором решил взять? — поинтересовалась я, легко перемахивая калитку и открывая ее изнутри для Дымка.

Парнишка неуклюже поднялся. Закоченел, щеки отморозил, ишь, побелели. Чего, спрашивается, ждал? Другой бы давно окно выдавил, дом обшарил, выгреб что поценнее и дал деру. А этот честный и благородный, дракона на него нет. Драконы, они благородных любят. Из лат выгрызать не надо, и отравленные кинжалы потом в животе не бурчат.

— Заклинание новое выучил? Молодец. Так, глядишь, сам матерым колдуном заделаешься. Подождешь, пока коня расседлаю?

Он неуверенно кивнул.

— Иди в дом, согрейся. А то язык заплетаться будет.

Я бросила ему ключ. Паренек неловко взмахнул руками, но не поймал, подобрал из сугроба.

Я особенно не торопилась, распрягая Дымка и пучком соломы обтирая подтаявший снег с широкого хребта. Пусть наговорятся. Тем интереснее. Рассыпала по полу горсть зерна из ларя, курица жадно застучала клювом. Покрошила два сахарных бурака в общее корытце, коза так и лезла под нож, норовя выхватить кусочек из рук (ну какая тебе, поганке, разница?!), конь подбирал упавшие.

Пришла кошка, подумала, изогнула спину и небрежно мазнула боком по сапогу. Мявкнула и, развернувшись, прошлась еще раз. Все мы ласковые, когда голодные. Навязались на мою голову. Плевать, что не люблю, лишь бы кормила...

Я сняла с полки горшок с выщербленным краем, быстро подоила козу. Пену с волосками сдула в кошачью миску, где та быстро осела в синеватое молоко. Заправила ясли

охапкой сена и закрыла сарай снаружи. Кошка, если захочет, вылезет через отдушину под крышей.

В логово я шла, как в ярмарочный балаган, предвкушая веселое представление. Так и есть. Ученичок сиял не хуже начищенной сковородки, стоя на коленях у постели. Я его быстренько закоптила, усевшись на стуле возле окна, лицом к сладкой парочке.

— Ну? Будем декламировать или уйдем по-хорошему?

Парень сжался в комок, волчком зыркнул из-под длинных сальных патл.

— Отпусти его. А не то...

Я паскудно улыбнулась, развела руками:

— Уговорил. Забирай!

Парень встрепенулся и тут же повесил голову. Как болтали в корчме, он не смог защитить дом от толпы «наследников», прослышавших о кончине хозяина. Мало-мальски ценные вещи вынесли, все непонятное и подозрительное сожгли. Вместе с домом. А самого отлупили, чтобы неподовно было старшим дорогу заступать. И куда он этого недобитка заберет? На пепелище или в лес, во времянкушалашик? Я подозревала, что он ночует где-то неподалеку, изредка выбираясь в город за едой. Ворует наверняка.

Оборванец переводил взгляд с меня на колдуна, губы жалко дрожали.

— Я тут останусь,— глухо сказал он, решившись,— и в обиду его не дам.

— Здравсте-пожалуйста, останется он! — хмыкнула я.— Да кто ж тебе позволит? Это мой дом, между прочим, частные владения. Хочешь — иди градоправителю жалуйся. Мол, моего хозяина оборотень похитил и надругался.

— Надругался?! — У него округлились глаза.

— А ты думал, я тут такая добренькая-бескорыстная, во спасение души колдунов по оврагам собираю? Должна же я что-то с этого иметь, верно? Крови там живой хлебнуть, если охота не удалась или сушняк поутру замучил, печеночкой теплой закусить, ну и просто так суставы повыкручивать ради удовольствия.

На дальнейшие «надругательства» у меня не хватило воображения, но парнишка и так был близок к обмороку.

— Она шутит, Рест,— не выдержав, чуть слышно прошептал колдун,— не волнуйся за меня. Уходи.

Совсем не глупый совет. Дураки таких не слушают. Топчутся на месте, шмыгают носом, надеясь, что все уладится само собой: меня удар хватит, мастер чудом исцелится, охотничий рог под окошком запоет.

— Попробуй по-другому,— участливо предложила я, закидывая ногу за ногу,— поплачь, поклянчи, пообещай хорошо себя вести, убирать, готовить, выносить ночные горшки и прочищать трубу. Может, я и смилостивлюсь. А может, просто получу удовольствие от спектакля.

Паренек облизнул пересохшие, обветренные губы. С трудом, переступая гордость, выдал:

— П-п-пожалуйста...

— На колени встанешь? — деловито поинтересовалась я.— Пол, правда, грязноватый, но твои штаны не чище.

Он гневно вспыхнул, открыл было рот... потом перевел глаза на неподвижного учителя, потупился и медленно согнул одну ногу, вторую...

— Придурок,— констатировала я, отворачиваясь.— Видно, других в колдуны не берут. Чтоб из кухни ни ногой. Если в мою комнату зайдешь или по чердаку будешь шастать, прибью на месте. В подвале бочонок с груздями расковыряешь или сливочки с кринок снимаешь, самого замарирую. Ясно?

— Больно надо,— он шмыгнул носом, подтер рукавом,— я даже из-за печи выходить не буду, тут прямо и лягу.

Я с наигранным удивлением подняла брови:

— Вы мужеложцы, что ли?

Парень сначала не понял, потом медленно залился краской. Весь, от лба до ворота.

Махнув рукой, я ушла в комнату переодеваться. Потом приготовила ужин, поела сама и громко зачитала пареньку его права и обязанности, не балуя первыми. За занавеской безмолвствовали. Но стоило мне удалиться на покой, как в кухне завозились, загремели посудой, а потом и зашептались. То есть колдун говорил нормально, как мог, а парень старательно понижал голос, делая тайну из обычного в общем-то разговора:

— Не верю я ей, мастер. Оборотниха она оборотниха и есть. С чего бы это ей вас выхаживать-выпаивать? Небось голые кости не жрет, ждет, пока мясом обрастут.

— Тут она просчиталась. Месяц назад такой роскошный гуляш был, а теперь разве что на холодец.

— И как вы шутить-то можете? Весь поломанный, нутро отбито, оборотниха эта зубы скалит. Измывается, поди, над вами, хоть и не признается. Вон супом велела накормить. А в нем мясо кусками. Темное, не птичье.

— Оленина. Попробуй.

— И травка какая-то сверху плавает,— бубнил, не унимаясь, паренек,— приворотная небось. Наглотаетесь, а потом своих не узнаете и будете вместе с ней по лесу бегать, хвостом мухоморы сшибать.

По голосам я легко угадывала выражения лиц: одно испуганно-заговорщицкое, второе с трудом удерживалось от смеха.

— Это петрушка.

— Ну да, петрушка. Зимой! Свежая!

— С подоконника. У тебя в деревне так не делали? Перед заморозками выкапывают корень и сажают в горшок.

— Может, пристукнуть ее, пока спит, а? — шепоток перешел в драматический.— Только чем? Ваш-то меч, наговорной, Свенька-стражник уволок, он давно на него зарился. Пришел якобы толпу разгонять, а сам под шумок меч упер. И звезды серебряные. Переплавит или продаст, сам-то кидать не умеет. А простым мечом ее не порешить, давеча голой рукой лезвие остановила.

— Не валяй дурака. Тебе против нее не выстоять.

Парень заерзал на стуле, брякнула ложка.

— А если травануть чем?

— Не выйдет. Природные яды она переварит, а алхимические отрыгнет. Ты-то сам когда в последний раз ел? Вчера? Оно и видно. Ешь, я не хочу.

— И сам не буду, и вам не советую. Лучше я на рынке хлебца свистну, колбасы какой, небось и без ее варева с голоду не помрем. Вот уж где противная баба, не зубами, так языком грызет! Не приведи боги, узнает, о чем мы тут говорим, меня, как пить дать, выкинет. И вас чуть погода сожрет.

— Она и так знает. У оборотней невероятно тонкий слух. Верно, Шелена?

— Обоих сожру, если заснуть не дадите,— негромко сказала я.

Ученик испуганно охнул, и все затихло. Но заснуть не получилось. Через пять минут он приоткрыл дверь в комнату и смущенно кашлянул:

— Госпожа Шелена...

— Ага, уже госпожа. Ну, чего тебе?

— Белье бы мастеру перестелить...

— Он что, огхырел? Нарочно, что ли?! Уже две недели никаких проблем не было!

— Я... того... повернулся неловко, миску опрокинул...

— Убью.

Парень сдавленно пискнул и исчез. Пришлось вставать, менять испачканное белье, снова лезть в печь за горшком. Покормила сама, мысленно ругая притаившегося в уголке щенка. Ну и проваливал бы, если так боишься. Не логово, а храмовый приют для сирых и убогих. Лучше бы я бордель открыла, там хоть прибыль какая.

— Не трогай его,— словно читая мои мысли, прошелестел колдун.— Я... расплачусь.

Я присела на край кровати и, растопыренными ладонями припечатав одеяло по обе стороны чуть заметно вздрогнувшего тела, по-звериному нависла над человеком, пристально изучая его лицо с расстояния полусогнутых рук.

— Тебя как зовут-то, купец?

— Не говорите ей, мастер! — шепнуло из угла.— Душу высосет!

Еще одно дурацкое суеверие. По имени можно найти. Сплести на него заклятие, навести порчу. Но душу? Пфе... Да и на кой она оборотню.

— Верес.

Похоже, прокрутил в голове то же самое. Или на редкость правдиво солгал.

— И что, по твоему мнению, может меня заинтересовать?

— Дракон.

Хм. И впрямь заинтересовал.

— Такая здоровенная крылатая ящерица, падкая на принцесс? — скептически уточнила я.

— Ты знаешь, о чем я.— Светлые глаза, хоть и слегка расширенные от волнения, смотрели твердо.

— Тогда у тебя не останется шансов. Если не передумаешь, конечно.

— А я и не собираюсь подносить его тебе на блюдечке. Не передумаю.

— Договорились,— равнодушно сказала я, отстраняясь и вставая. Что ж, по крайней мере, у нас появился повод терпеть взаимное присутствие. И не чувствовать себя такими идиотами.

Я выудила из берестяного короба с крышкой обтрепанный стебелек, принялась и брезгливо бросила обратно. Чемерица зубчатая, «волкогон». Считается безотказным средством от оборотней и вурдалаков, но, к смертельному разочарованию на него понадеявшихся, таковым не является.

— Ну что еще? — досадливо буркнул знахарь.— Всеобщим же языком написано: «Три щепоти сей травы сушеной, пестом дубовым в пыль растертой»!

— Это не трава.

— А что?

— Сено.

Собирать чемерицу надо на рассвете, как только сойдет роса, во вторую фазу луны, обрывая лишь молодые побеги и подвяливая их в тени. А не, вкривь и вкось пройдясь по полянке с косой, вернуться на нее с корзиной после трех дней солнцепека.

— Шелена,— медовым, но совершенно неаппетитным голосом протянул хозяин,— я плачу тебе за составление зелий, а не за дурацкие препирательства с куда более умными, чем ты, людьми.

Я саркастически искривила губы, но снова начала ковыряться в коробе. Конечно, нет никакой гарантии, что, когда вы покупаете травы у профессионального сборщика по цене три золотых за пучок, вам не подсунут какую-нибудь ерунду. Но если в целях экономии приобрести за три медяка у грязной рыночной торговки лохматый веник, явственно разящий мышами, то только подметать пол он и сгодится.

Парочку листиков мне все-таки удалось выбрать. И припрятать в отдельной скляночке, на случай, если понадобится действительно жизненно важное снадобье, а не припарка от чирьев, которые, несмотря на все ухищрения знахаря, и сами рано или поздно сойдут. В подсунутую же хозяином ступку я с непроницаемым лицом покрошила самую со-

мнительную и даже чуток плесневелую ветку. Делать мне нечего — до хрипоты с дураками спорить... умный бы с первого раза прислушался.

Хозяин еще немного поворчал, походил по лавке, невесть зачем переставив с места на место несколько горшочков и флаконов. Рукавом смахнул пыль с чучела василиска и, поплевав на палец, старательно протер алые стекляшки глаз. По мне, пыльный василиск выглядел куда лучше василиска облезлого, но хозяин остался доволен и, решив, что сегодня уже потрудился на славу, отправился в ближайшую корчму вознаградить себя кружечкой пива.

Я, воспользовавшись случаем, тут же вытряхнула из мешочка принесенные с собой травы и занялась «левым» заказом — естественно, безо всяких рецептиков, полагаясь только на чутье. По дороге домой заверну к кузнецу, вчера жаловавшемуся на боль в правом боку, и отдам ему свежую настойку, а он взамен бесплатно подкует Дымка.

Стук и звяканье не намного опередили раскатистый чих. Можно было и не вешать над дверью колокольчик — заполнявший лавку травяной дух не оставлял равнодушным ни один нос. Особенно этот, словно созданный для вынюхивания.

В лавку, шурша напяленными поверх валенок лапотками, просочилась бабка Шалиска. Я незаметно поморщилась. «Войти» или «заскочить» эта карга не могла по определению, только прошмыгнуть или просочиться, как змея в шелку. Человеческое селение без подобных старух — что банка варенья без плесени. Их вездесущие глаза, всеслышащие уши и болтливый язык не дадут вам незаметно гульнуть с чужой женой, закрутить залом¹ на соседском поле и уж тем более побегать по округе на четырех лапах. Впрочем, надо признать, действуют эти бабки совершенно бескорыстно. Лучшей наградой для них будет полюбоваться из-за заборчика

---

¹ Связать пучком несколько колосьев, что якобы наведет порчу на все поле. Распространенное и совершенно безосновательное суеверие, т.к. поставить или убрать действенный залом может только квалифицированный маг (рекомендуемый гонорар за второе — пять золотых, штраф (...выходит, надо просить не меньше двадцати... (пометка на полях), за первое — пятнадцать). См. К. Лабская. *Краткий справочник мага-практика.*

на результаты своих трудов — семейный скандал, драку между соседками или костер высотой с избу.

Из-за таких вот Шалисок и приходится жить на отшибе за городом. В селении от них даже в подвале под одеялом не спрячешься.

— Здравствуй, деточка! Давненько я у вас тут не была, хвала богам, да вот опять, чтоб ее лихо, хворь поясничная приключилась, ей-ей, ни сесть, ни встать, и куда ж мне, бедной, деваться... — фальшиво-слащавым голосом зачастила бабка, попутно обшаривая меня профессиональным взглядом. Ничего компрометирующего вроде синяка или новых сережек не обнаружила и заметно расстроилась, так что я улыбнулась ей куда искреннее.

Интересовала бабку мазь от прострела (меньше надо подглядывать в замочные скважины, по улицам она носилась как молоденькая!), и я, открыв шкафчик с готовыми снабдочьями, мстительно выбрала самую сомнительную баночку. За это время пронырливая Шалиска успела сунуть нос на две полки, в сундук с травами и даже заглянуть под лежанку для осмотра больных. Вряд ли она на самом деле рассчитывала обнаружить там мужчину и наконец-то осчастливить местных кумушек байками о моей личной жизни в рабочее время, но инстинкты матерой сплетницы были неистребимы.

Когда я обернулась (звериный слух ничем не хуже глаз на затылке), бабка уже снова сидела на лавочке, чинно сложив сухонькие руки на обтянутых юбкой и передником коленях. Болтать она, кстати, не прекращала ни на секунду, надеясь, что я потеряю бдительность и тоже ей что-нибудь расскажу.

— ...а нелюдей энтих в городе нонче куда ни плюнь, понабежали из своих гор, чисто клопы с тараканами, скоро и вовсе людей выживут, охти, горюшко-о-о... — С завываниями покачавшись из стороны в сторону, бабка внезапно остановилась и совершенно нормальным, деловитым голосом спросила: — А знаешь, что они сами говорят?

В этом вся Шалиска. Вызвать на откровенность, участливо поойкать и покивать, а за спиной наговорить гадостей. Кстати, гномов и троллей в Выселке с каждым днем и в самом деле становилось все больше, но вели они себя очень скромно, селясь по родичам и не гнушаясь никакой работой.

— Нет,— покорно сказала я, прекрасно зная, что положительный ответ Шалиска все равно в расчет не примет, полагая, что ее версия самая точная и правдивая.

— Будто бы завялося в ихних краях эдакое ма-а-ахонькое страховидло с горбиком, и как увидит гнома — вцепится аки пиявка, кряхтит да охает и нипочем не отстанет, покуда всю кровь не испортит! А в нашем городе, дескать, энтая... их... их... иххолохическая ниша уже занята, вот оно сюда носа и не кажет!

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Похоже, гном бабке подвернулся пронизательный и с чувством юмора. Представляю, с каким серьезным видом он втолковывал ей эту чушь.

— Как будто эльфаф нам по соседству мало,— продолжила бубнить старая кочерыжка.— Шастают по улицам, как по своему лесу, даже тетиву с луков не сымают... скоро орки прям на конях посередь города скакать будут, а там и вомперы налетят, чесноку им в глаз...

Отделаться от Шалиски можно было только одним способом (вообще-то двумя, но куда потом девать труп?!).

— А вы не знаете,— как бы между прочим поинтересовалась я,— что там с утра за драка возле ратуши была?

Кто его знает, может, и была. Место оживленное, раз в день хоть собаки да сцепятся. Бабка Шалиска заглотнула наживку, как дракон девственницу.

— Ну, пойду я, пожалуй, деточка,— засуетилась она, пряча баночку и с кряхтением извлекая из кошелья самую потертую монету.— А то сама знаешь — дома не прибрано, корова не доена, свиньи не кормлены, кто ж, кроме меня, позаботится...

Лапоточки назло всем прострелам (разве что из арбалета попробовать?) бодро засеменяли к двери. Я аккуратно пересыпала содержимое ступки в маленький холщовый мешочек и выглянула в окно. Бедная корова, несчастные свинки...

За порогом меня встретила мокрая тряпка, тщательно растеленная по полу. Пожав плечами, я вытерла ноги. Вряд ли маленький паршивец успел выкопать под ней ловчую яму.

Кухня пугала чистотой. Все чашки-миски, даже треснутые, рядком выстроились на посудной полке, перемытые до блеска. Отскобленная печь сменила цвет с черного на

кирпично-рыжий, паучьи махры под потолком исчезли. Колдун мирно спал, а парнишка сидел на полу, привалившись спиной к постели, и читал какую-то потрепанную книжонку. Он и сам успел вымыться, простирнуть одежонку и остричь грязные ногти. Длинные космы превратились в аккуратный льняной хвостик.

На скрип двери он встрепенулся, торопливо сунул книгу под одеяло и вскочил.

— Ну-ну,— скептически бросила я, на ходу расстегивая кожушок,— а хлебом-солью почему у порога не встречаешь? На, встряхни и повесь.

Открыла дверь в комнату, окинула наметанным взглядом, принюхалась. Нет, не заходил. Ну и я тогда могу не торопиться. Подсела к столу, устало откинулась на спинку стула. Лень было вставать, снимать сапоги, готовить... Может, пожевать хлеба с салом и завалиться спать?

Вернулся парнишка с отряхнутым кожухом. Повесил на крючок, погромел ухватом в печи и так же молча шлепнул передо мной дымящуюся тарелку с каким-то месивом, серым и комковатым. Прямо как разносчик в доме призрения.

Я брезгливо принюхалась. Пахло, впрочем, вкусно — толченая картошка с обжаренным на шкварках луке.

— Ядом не забыл посыпать?

— Забыл,— огрызнулся он,— добавь по вкусу.

— Ты, шенок, старшим не хамя. Некрасиво, к тому же для здоровья вредно.— Я осторожно попробовала картошку. Ничего, съедобно. Пересолил только. Кивнула за печь: — Его покормил? Не этим, надеюсь?

— Гречу с молоком разогрел, как вы велели,— неохотно буркнул он.

— Козу доил?

— Доил... — Он непроизвольно потер левый бок. Майка не любила доиться, я раньше привязывала ее не только за шею, но и за одну из задних ног. Потом коза смирилась, а перед новичком, выходит, снова решила покачать права.

— И давно ты за ним тягаешься? Впрочем, сама знаю. От силы месяц. Иначе успел бы хоть чему-нибудь научиться.

— Шесть! — обиженно возразил он.

— Надо же, всего полгода, а какая трогательная привязанность. С чего бы это?

— Не твое дело,— окрысился паренек и, не удержавшись, добавил: — Мастер тебя все равно убьет.

— Попробует,— серьезно согласилась я.

— Отличная работа.— Я щелкнула по основанию тяжелого охотничьего ножа, отозвавшегося не звоном, а низким степенным гулом. Этот клинок определенно знал себе цену. Черная гравировка-травление по всему лезвию — широкому, с хищно изогнутым кончиком,— волнистая рукоять, уютно лежащая в ладонь.— И закалка превосходная.

— Ты на сплав глянь! — горячился сидящий напротив гном, корявым пальцем тыча в тускло мерцающую сталь.— Элгарская, сам Варсан-э-Вок варил! Видишь, клеймо на торце, кирка поперек меча? А кромка какая?! За год не иступится!

Я еще раз полюбовалась ножом, убрала в кожаный чехол и со вздохом положила на прилавок. Цену ему знал и оружейник. Впрочем, ничего покупать я не собиралась. Привезла заказанную настойку от колик и, не удержавшись от соблазна, поддавалась на уговоры торговца «просто посмотреть» новую партию товара. Рассуждать о своих изделиях гномы могли бесконечно, будь то причудливый светильник или двуручный меч в троллий рост, причем в процессе торга зачастую так их расхваливали, что в итоге отказывались продавать даже за начальную цену.

На этот раз Карст-э-Лату просто хотелось похвастаться, а я, питавшая слабость к холодному оружию, ничего не имела против. На двери лавчонки висела табличка «Закр-то», для меня гномий заказ тоже был на сегодня последним, так что никто не мешал нам с упоением перебирать опасные цапки. За окном, неспешно оплетая стекла узорами, потрескивал сгущающийся вместе с темнотой морозец. Все равно бы засветло домой не вернулась, так какая разница, где коротать вечер?

Возле подсвечника валяжно дрыхла на боку здоровенная серая крыса в цепочке-ошейнике. Еще три на устрашение вора бродили где-то по подсобке. Их, как собак, через дыру в двери не подстрелишь, отравленной приманкой не соблазнишь. И пускай лаять они не умеют, зато способны бесшумно пролететь в прыжке больше сажени, впившись

точнехонько в нос незадачливому грабителю. Или шустро взбежать по ноге под штаниной, запустив зубы в еще более чувствительное место.

Я протянула руку и почесала крысу за ушком. Та потянулась, сонно клацнула зубами и перевернулась на спину, подставляя мне рыжеватое брюхо. При свете они не нападали. Я как-то в шутку спросила у торговца, что будет, если я задую свечу. Гном серьезно, задумчиво глянул на испуганно трепыхнувшийся огонек, потом, нагнувшись, — на затаившуюся под хозяйским стулом крысу, и уклончиво ответил: «Со мной — ничего».

Дунуть я так и не рискнула.

В заднюю дверь лавки, она же черный вход примыкающего к ней гномьего дома, уже пару раз заглядывала недовольная женушка Карст-э-Лата, не слишком старательно прячущая за спиной нечто здорово смахивающее на скалку, но охаживать ею отлынивающего от домашних дел муженька при госте стеснялась. Гном, покоровшись неизбежному, ускорять его приход тем не менее не собирался. И выложил на стол очередной клинок.

Мне понадобилось огромное усилие воли, чтобы не отшатнуться и не зарычать. От серебряного кинжала с меленько иззубренным на кончике лезвием веяло невыразимой жутью, словно холодом из бездонного колодца, заставляя красочно представить, чем окончится более близкое знакомство и с тем, и с другим.

— А это особый товарец, специально для магов держу, — пояснил ничего не заметивший гном, — им нежить всякую добывать сподручно, надежно. Ну и в простом бою, конечно, сгодится. А уж метать до чего удобно — будто рукой в цель вкладываешь! Да ты в ладонь возьми, примерься!

— Верю на слово. — Я, пересилив себя, но по-прежнему держа руки крепко переплетенными на груди, наклонилась и рассмотрела затейливый узор на клинке. — Дорогущий небось?

— Сорок кладней. Но этот не продается, для себя отложил. Хочешь, тебе такой же у родичей закажу? Можем даже твое имя в гравировку вплести и рукоять чем захочешь отделать.

«Родичами» гномы традиционно величали весь свой клан, будь то парочка семей или несколько сотен, вплоть

до десятого колена родства, с одинаковым радушием относись к первому и последнему. Люди хорошо если четвертое «своим» признавали, а эльфы уже к двоюродным родственникам холодно обращались на «вы».

— Нет, спасибо. Столько я и в долг не наскребу.— И даром не возьму, бррр... — Боишься нежити, Карст?

— Боюсь,— спокойно признался гном, пробуя зубастое лезвие на ногте.— Из города без него ни ногой.

— Как будто в самом Выселке упырей мало,— хмыкнула я, вспоминая, как со всех лап драпала по крышам от парочки этих тварей. В городах они ведут себя скрытно и пугливо, охотясь в основном на бродячих кошек и собак, но одиночными прохожими тоже не брезгают, особенно в темных трущобных переулках. Впрочем, от грабителей с кистенями ущерба куда больше.

— То упырь.— Гном, к моему огромному облегчению, наконец-то убрал кинжал в ножны.— Пакость, конечно, изрядная, но привычная, я ее и обычной секирой в три удара завалю. А тут нечто совсем уж непотребное...

— Страховидло в лапоточках? — с невинным видом ввернула я.

Гном раскатисто захохотал, не требуя пояснений. Так вот на кого нарвалась охочая до баек Шалиска!

— Заночевала бы ты на постоялом дворе, Шелена,— резко обрывая смех, буркнул Карст-э-Лат.— И тебе удобнее, и мне спокойнее.

«И клопам сытнее»,— про себя добавила я. Спать под чужой крышей я не любила, к тому же в чересседельных сумках Дымка лежали прикупленные с утра продукты, в том числе мука и квашеная капуста, уже начавшие потихоньку просачиваться друг в друга.

— С чего бы такая забота? — Я успешно скрыла любопытство за увлеченным чтением рун на обоюдоостром то ли коротком мече, то ли длинном ноже, какие любят носить при поясе тролли-наемники. С учетом их лексикона руны и подбирались, делая нанесенную таким клинком рану не только болезненной, но и весьма обидной.

— У городских стен видели волчьи следы.— Гном понизил голос и втянул голову в плечи, словно предлагая изучить затишье в разговоре на предмет далекого заунывного воя.

Я машинально повела ближайшим к окну ухом (хорошо, под волосами не видно), но ничего, разумеется, не услышала. Только лязгающие зубами стражники самоотверженно охраняли ночной покой горожан, стараясь держаться возле фонарей, где этого самого покоя было побольше.— Крупные, ладонью не прикрыть.

— Ну и что? Я и живьем их частенько вижу.

— Я сказал «волчьи»,— ворчливо поправил торговец.— А не «оставленные волками».

— Карст, не отбивай хлеб у Шалиски,— чуть натянуто рассмеялась я.— Какой-нибудь мальчишка приложил руку к случайному следу, а ты мне тычешь в нос своей лапшей!

— Мне знакомый охотник сказал,— оскорбленно засопел вислым носом гном.— У него ладонь еще побольше моей!

— Охотники, рыбаки... — Я пренебрежительно махнула рукой. В прошлом году кто-то из заядлых удильщиков распустил слух, будто в Прудках, местном озерце, завелась вредливая русалка, которая насаживает им на крючки лягушек вместо вожделенных сазанов. А когда ее поодиночке застукало за этим нехорошим занятием уже человек сорок, русалка вынырнула на самом деле с официальной нотой своего правителя немедленно прекратить распространение порочащих их расу сплетен. Теперь охотникам гигантские волки мерещатся. Как будто я бы не заметила!

— А куда же тогда одинцы пропадают, а? — запальчиво возразил Карст-э-Лат.— Уже с десятков заимок опустело!

Большинство выходцев из Гребенчатых гор селились в человеческих городах или закладывали свои деревеньки, но некоторые предпочитали уединенные лесные домики-мастерские — и не отвлекает никто, и за дровами для кузницы далеко ходить не надо. Их-то и называли одинцами.

— Вот почему вы так рванулись в Выселок?

— За каменными стенами оно всяк спокойнее,— вздохнул гном, на весу укутывая клинок в замшу и бережно, будто стеклянный, укладывая в короб. Жена мрачно сопела за дверью, набираясь духу для решительной атаки.— Да и крик, ежели что, найдется кому поднять. Ну хочешь, в доме на лавке тебе постелю?

Я потянулась за лежащим на соседнем стуле кожушком.

— Поеду, Карст. Козу надо доить. Спасибо за вечер!

— Да всегда пожалуйста. Заходи через недельку, у меня новый завоз будет.

Жена отчетливо заскрипела зубами.

— Всенепременно.

Вторая крыса неожиданно вспрыгнула мне на плечо, пощекотала усами ухо.

— Ну и выдержка у тебя,— восхитился гном.— Прямо драконья!

Я только усмехнулась, осторожно отцепляя любопытную тварь от куртки и ссаживая на стол.

Не говорить же ему, что я услышала цокот коготков еще из противоположного угла лавки.

«Нежить, следы... чушь какая».

Я решительно сгребла мерина под уздцы. Дымок, разомлев в теплом сарае, совершенно не понимал, зачем надо плестись куда-то в ночь, да еще по такому морозу, и уперся всеми четырьмя копытами, протестуя мотая задранной башкой. Выругавшись, я отпустила поводья. Выругалась еще раз. Ну не тащить же мне его волоком, пока не переупрямлю! То есть я-то могу, но как поздние прохожие реагируют на мрачно сгорбившуюся девку, за которой вместо салазок с хвостом волочится присевший на задние ноги конь?!

— Вот отдам волкам, будешь знать,— припугнула я.

Дымок насторожил уши.

— Или сама съем.

Мерин задрал верхнюю губу в раскатистом саркастическом фырканье.

— Ну и пес с тобой,— разозлилась я, стягивая с коня чересседельные сумки и вскидывая себе на плечо. Ничего, как-нибудь донесу. За городом и перекинуться можно будет. А упрямая скотина пусть стоит в сарае до утра, перед работой заскочу и заберу, Карст вряд ли станет возражать. Небось решит, что я последовала его совету и заночевала в городе.

Дымок, помедлив, шумно вздохнул и потопал следом, нагнав меня уже у порога. Я молча забросила сумки обратно и вскочила в седло. Конь регулярно откидывал подобные коленца, но возвращаться домой пешком еще ни разу меня

не заставил — главное, показать, что ты настроена решительно и действительно уходишь.

А морозец-то все крепчал и крепчал. Пришлось уткнуться носом в меховой воротник, чтобы не вдыхать доходящие до самой груди колючки. Город словно вымер, стражники даже не соизволили выйти из каморки при воротах, досадливо махнув мне рукой в окошко — мол, проезжай быстрее, ненормальная!

За день по дороге проехало несколько саней и волокуш, примяв выпавший прошлой ночью снег. Мерин трусил ровно и ходко, за время моих посиделок с оружейником успев передохнуть и пожевать дармового сенца — во второй половине сарая, разбитой на маленькие закутки, гном держал коз. Невысокие, рассчитанные на них перегородочки не мешали Дымку запустить морду во все кормушки поочередно — под возмущенное бляенье и безуспешные попытки шугануть мародера рогами.

За городом стало не то чтобы теплее — просто мириться с холодом, видя кругом один снег и голые деревья, было куда легче. Вот только ноги окоченели уже через десять минут, даже сквозь шерстяные носки. Снег зеркалом отражал лунный свет, обрамляя горизонт голубоватым заревом. В воздухе витал отчетливый запах квашеной капусты. Судя по нему, сама капуста уже давно покинула пределы неплотно закрытой кринки и равномерно распределилась по всей сумке. Лезть в нее на ходу я не рискнула, оставив эту сомнительную честь Ресту, на которого мало-помалу спихнула все хозяйственные хлопоты. Готовил парнишка так себе, зато починил все хромые стулья, расхлябанные лари и протекающие кадки. Оказывается, раньше был подмастерьем у столяра.

— Не справился, ушел в маги, на легкие хлеба? — съязвила я, узнав.

— Работу не на плечи — на душу примеряют, — серьезно ответил он, в первый раз не обидевшись. За учителем небось повторил. Но и сам верит, что похвально.

И колдун повеселел. После очередного осмотра я решила снять лубки с левой, переломанной только в одном месте руки, и он сосредоточенно, часами, разминал ее, попутно объясняя ученику какие-то пассы и конфигурации. Тьфу.

Две тарелки в процессе разбили. Одну якобы «недолевитировали», а вторую локтем в запале смахнули. Наверняка Рест, хотя оправдывался передо мной неизменно Верес. Ха, оправдывался! *Сообщал*, причем с таким видом, словно я должна только радоваться, что меня избавили от этой рухляди.

Я задрала голову, любуясь ночным небом, чтобы хоть ненадолго отвлечься от зябкой дорожной скуки. В созвездиях я особо не разбиралась, зато Волчий Глаз, самую яркую зимнюю звезду, отыскала сразу. Эльфы называли его Кощачьим, русалки — Рыбьим, тролли... хм... но насчет Глаза никаких разногласий не возникало. Бесстрастный, хищный, немигающий, он пристально следил за мной сквозь путаницу ветвей, пока небо не накренилось и с истерическим ржанием не рухнуло вниз.

Объяснение у вселенской катастрофы было очень простое: Дымок встал на дыбы. Задумавшийся человек так бы и брякнулся спиной о землю, но оборотень со звериным проворством рванулся вперед и успел обхватить лошадиную шею руками. На моей памяти флегматичный мерин отколол такой номер впервые, а значит, и причина была стоящей. Даже очень.

Вурдалак тоже взвился на задние лапы, почти сравнявшись ростом с конем. Маленькие, глубоко запавшие глаза горели алым огнем, сквозь сомкнутые зубы вырывалось злобное рычание. Похоже, мы застigli друг друга врасплох: тварь явно бежала по своим делам, совершенно не ожидая, что кто-то посмеет заступить ей дорогу. И ограничиваться взаимными извинениями не собиралась.

Вурдалак запоздало разжал пасть, выронив какую-то тряпку, и с ревом метнулся к конскому горлу, но Дымок уже опустился на все четыре ноги, а я успела прийти к выводу, что лучшая защита — это нападение. Тяжелые сумки, на манер пращи раскрученные за общий ремень, саданули тварь по груди и с победным звоном-треском-хрустом и резко усилившимся капустным запахом отшвырнули ее на несколько сажений.

Такого отпора вурдалак не ожидал! Раздавшееся вслед за тем рычание окончательно убедило его, что стоит дважды подумать — а так ли уж он зол и голоден? Оборотня-то он,

безусловно, одолеет, но придется изрядно повозиться, да и я вхолостую щелкать клыками не намерена. К тому же это была моя территория. Звери и нежить очень тонко чувствуют такие вещи, потому-то я в свое время и удирала от городских упырей, на которых, защищая свое логово, бросилась бы без колебаний и почти наверняка разодрала в клочья.

Поединок ненавидящих взглядов и гортанного рыка длился минут десять. Вурдалак, пытаясь сохранить достоинство, понемногу пятился к заснеженным кустам. Только скрывшись в них целиком, он замолчал и, развернувшись, деловито захрустел настом, удаляясь по направлению к городу.

Я соскочила с Дымка и по-звериному припала к земле, настороженно озираясь по сторонам и раздувая ноздри. Раздеваться посреди леса в такую холодрыгу страшно не хотелось, к тому же во время смены ипостаси оборотень уязвимее всего. Бежать за вурдалаком, бросив коня, я все равно не собиралась — нос и уши говорили мне, что он уже далеко, а остальные части тела возмущенно требовали везти их домой, к теплой печке и горячему ужину.

На всякий случай я немного прошла по дороге, рассматривая оставленные вурдалаком следы (ну да, крупные, хоть не с мужскую ладонь), и сокрушенно покачала головой — тряпка оказалась моей курицей. Я брезгливо и печально подняла ее за смятое крыло и, размахнувшись, зашвырнула подальше в сугроб. Подобрала сумки и снова вскарабкалась на коня. Дымок мелко дрожал, пофыркивал и, еле дождавшись, пока я нашарю второе стремя, пошел быстрой тряской рысцей, несмотря на вновь проявившуюся хромоту. Осаживать его я не стала. Мне тоже не терпелось поскорее отсюда убраться, а пуще того — убедиться, что набег на мои владения ограничился только курицей.

Против обыкновения, меня ждали. На подоконнике стояла горящая свеча, видная издалека и сразу успокоившая и меня, и мерина, так что к калитке я подъехала уже шагом. Забор и будку, в которой заночевала злосчастная курица, соединяли две четкие цепочки следов. К крыльцу и окнам тварь даже не подходила, почему-то удовольствовавшись более чем скромной для такой зверюги добычей.

Впрочем, сам вурдалак тревожил меня меньше всего: до тебя, курокрад, я рано или поздно все равно доберусь, вот только разыщу дневную лежку. Куда большее беспокойство вызывал сам факт его появления в наших краях. Ведь даже дети знают: оборотни не спариваются друг с другом. Только с людьми или волками. И от вторых рождаются вурдалаки, звери с человеческой жадой крови.

Значит, у меня появился конкурент. Хитрый, умный и скрытный, не оставляющий меток и не охотящийся ради пропитания. Самец, потому что никакая оборотниха в своем уме не отдастся волку и уж тем более не станет плодить от него чудовищ. Да и оборотня, соблазвившегося волчицей, нормальным не назовешь, так что неудивительно, что мне совершенно не хотелось с ним пересекаться.

Оставалось только надеяться, что вурдалак забрел в мой лес случайно, появившись на свет в сотне, а лучше — тысяче верст отсюда. Но уж больно уверенно он себя вел для пришедшего, да и на бродягу мало смахивал — здоровенный, лоснящийся, как будто просто лапы поразмять вышел. Откуда?

— Что? — хмуро поинтересовалась я с порога. Рест открыл по первому же стуку, как будто караулил в сенях. Да нет, точно караулил — скрипа внутренней двери я не слышала.

— У те... вас все в порядке? — так толком и не определившись, как меня величать, с плохо скрываемым облегчением поинтересовался паренек.

— Угу.— Я бесцеремонно отпихнула его с дороги и прошла в дом. Рест тут же захлопнул дверь и тщательно задвинул засов, даже за ручку на всякий случай дернул, проверяя.

— Там, во дворе... кто-то бродил.— Ученик колдуна тщетно попытался придать дрожащему голосу презрительную небрежность: мол, ничего особенного, и без тебя бы разобрались, только по долгу службы сообщая. Верес молча, пристально смотрел на меня из-за отдернутой занавески. Словно чего-то ждал.— А потом курица эдак отчаянно кудахтнула и затихла...

— Угу. Держи.

— А что там такое? — Паренек подозрительно принял у меня печально вытянувшуюся сумку, с которой попеременно капало желтое тягучее и зеленоватое прозрачное.

— Не знаю, — честно сказала я, с содроганием представив себе однородную мешанину из трех фунтов квашеной капусты, четверти пуда муки, семи пакетиков с травами, трех новых тарелок, пары запасных носков и дюжины яиц.

И поскорее сбежала в комнату, дабы не видеть лица Реста, когда он будет выгребать ЭТО из сумки.

ГЛАВА 2

Некоторые планы кажутся гениальными в момент прихода в голову, без сучка и задоринки проходят стадию разработки и блестяще проваливаются уже на первой секунде осуществления.

Я мчалась по заснеженному лесу, не оглядываясь. Смотреть на пыхтающего за спиной вурдалака абсолютно не хотелось. Мы успели по разу рвануть друг друга зубами, его оказались длиннее и острее, и у меня хватило ума не настаивать на реванше.

Проклятая тварь днем не только не спала, но и повела себя еще агрессивнее, чем ночью, кинувшись на меня с такой яростью, как будто это не она, а я загрызла дикого кабана на чужой территории и, невзирая на солнечный свет, жадно им лакомясь. Конечно, вурдалаки не упыри, с рассветом в летаргию не впадают, но, как и совы, до заката предпочитают отсиживаться в темном укромном месте. А выкуренные оттуда, бестолково мечутся по лесу, и не помышляя о сопротивлении. Кто бы ему об этом намекнул, а?!

Передние, а за ними и задние лапы внезапно разъехались в стороны — припорошенный снегом ручей промерз до дна, не выдав себя журчанием. Меня закрутило на широкой ледяной дорожке и вместе с ней швырнуло вниз, в заросшую лесом балку. Подняв облако снежной пыли, я с визгом распахала крутой склон и, чудом увернувшись от сосны, припечаталась к менее стоворчивой елке. Осовело покрутила мордой, расставив по местам съехавшие в кучку глаза, выкарабкалась из сугроба и неуклюже заскакала по дну балки,

по грудь проваливаясь в рыхлый снег. Вурдалаку хорошо, у него лапы длиннее, да и бежать по чужим следам проще, чем прокладывать свою тропку.

На мое счастье, вскоре балку перегородил вывороченный ураганом ясень, макушкой прислонившийся к ее краю, а кончиками корней еще цепляющийся за основание одного из склонов. Потоптавшись на месте, чтобы примять путающийся в лапах снег, я сжалась в пружинистый комок и вспрыгнула на бревно.

Зубы лязгнули у самого кончика хвоста. Я торопливо поджала этот не жизненно важный, но чем-то дорогой мне орган и, глубоко засаживая когти в кору, пошкрябала вверх. Тут преимущество было на моей стороне — вурдалачьи когти не такие шипастые, и выпускать-втягивать их эта тварь не умеет. Как я и ожидала, он не сумел удержаться на обледеневшем стволе. По инерции сделал несколько скачков, все больше заваливаясь набок, и спиной вниз булькнул в глубокий снег. Я не отказала себе в удовольствии приостановиться и полюбоваться фигурной дыркой, из которой доносился разъяренный рев и вылетали снежные комья. Кабы не шибко устойчивое положение, еще и пометила бы.

В сажени от края балки ствол раздвоился, превратившись в почти непролазную путаницу тонких ветвей. Я рискнула и прыгнула. Спасибо кустикам на склоне, иначе легкий недолет обернулся бы позорным скатыванием в охотно подставленную пасть. Я отчаянно заработала лапами, взбив свежий снег обратно в метель, искрящимися на солнце хлопьями уплывшую вниз и назад (рев сменился возмущенным отплевыванием). Кое-как выкарабкалась из овражной западни, на ровном припустив что есть духу. Прокушенное плечо горело, словно в нем засел серебряный наконечник, но боль только подхлестывала.

По ту сторону балки расстилалось поле с частыми вежами сухого осота, по дальнему краю обнесенное темным частоколом бора. Летом селяне пасли здесь коров и овец, подъедавших хорошую траву и обходивших колючки, которые от такой прополки благодарно вымахивали под три аршина и буйно цвели медвяным багрянцем, во вторую половину лета делая луг совершенно непролазным для людей и неудобным для хищников. Но сейчас половина осотин уже

подгнила и попадала, а остальные, хоть порой и цеплялись за мою встрепанную шкуру, сбавить скорость не заставили. Более массивному и лохматому вурдалаку они мешали намного больше.

Он нагнал меня уже возле самой опушки. Чуть не сбил с лап, но я в последний момент метнулась в сторону, оставив у него в зубах клочок шерсти. Оборотень мельче, зато маневреннее вурдалака и — самое главное — благодаря своей второй ипостаси располагает куда большим арсеналом гадостей. Еще один прыжок, металлическое клацанье — и вурдалак взвыл, заплясал на месте, звеня прикованной к бревну цепью. Вот и пригодился медвежий капкан. Специально для дорогого гостя взвела, еще утром. Замаскировала не в пример тщательнее Реста, пометила со всех сторон, чтобы настоящий медведь не смел и подойти.

Не останавливаясь, только чуть сбавив ход, я побежала дальше, привычно петляя и сдваивая следы. Насчет вурдалака я не обольщалась, с нахрапа мне его все равно не взять, отгрызет лапу и вырвется — вон, уже приступил. На трех, конечно, за мной не погонится, залижет и похромает в логово, отращивать новую. Но хотя бы пару недель в лесу будет тихо.

И за эти недели я должна отыскать его убежище. Кровь из носу, если хочу отделаться только ею.

Потому что, похоже, подтвердились мои самые худшие опасения.

Каюсь, с работы я сегодня удрала сразу после обеда, воспользовавшись отсутствием хозяина, поехавшего к родне в село. Отвела коня домой и, пока ленивое зимнее солнышко не успело юркнуть за горизонт, решила наобум побегать по лесу — авось наткнусь на свежие следы незваного гостя.

Ну и наткнулась, еле приковыляв домой уже затемно.

Паренек спал, клубочком свернувшись на постеленном в углу тулупе, — а может, притворялся. С первой же ночи он старательно делал вид, будто не замечает моих уходов и возвращений. Уж и не знаю, что пугало его больше — моя нагота или живописно размазанная по ней кровь. Но руку даю на отсечение — подглядывал!

Впрочем, чего ее отсекаль — того и гляди, сама отвалится. Кое-как натянув штаны здоровой рукой, я села за стол и, хмурясь, осмотрела плечо. Рана была глубокая, нехорошая. Человек добавил бы: ужасная. И рухнул в обморок. Края широко разошлись, кровь не текла, на дне розовела кость. Больно было даже пальцами пошевелить. Обычно стоило мне волевым усилием стянуть сосуды, как раны начинали заживать чуть ли не на глазах. Эта и не думала. Придется промывать, обрабатывать зельями, а то и соскабливать часть плоти, отравленной вурдалачьей слюной.

— Покажи, — тихо попросил колдун.

Я смерила его долгим, оценивающим взглядом, потом философски пожала плечами и пересела на стул возле постели. Подставила руку. Верес медленно пошевелил пальцами над раной, словно ощупывая невидимую корку.

— На нем был ошейник, верно?

— Стальными шипами внутрь, серебряными наружу, — буркнула я. — Встречались?

Он не ответил, сосредоточившись на ране. Защищало, из плоти проступила зеленоватая пена.

— Иди промой, только быстро. — Колдун устало откинулся на подушку, на лбу заблестели мелкие капельки пота.

Я сполоснула плечо над помойным ведром чистой водой из кружки. Жжение сменилось привычным зудом, рана начинала заживать.

— Себя-то чего не лечишь? — не глядя на Вереса, ворчливо поинтересовалась я.

— Себя сложнее, — вздохнул он. — Да, встречались. Как раз перед тобой.

Мальчишка, кажется, и в самом деле спал. Намаялся за день, ремонтируя крышу сарая, провалившуюся под тяжестью снега. Можно поговорить без помех.

— Серебряные — чтобы до глотки не добралась я, стальные — чтобы чувствовал хозяйскую руку. Чью?

— Я думал твою, — невесело улыбнулся он.

— Только вурдалака мне для полного счастья не хватало. Желательно — глухого, беззубого и облезлого. — Я повесила кружку на крючок, вытерла руки полотенцем и накинула старенькую, зато мягкую и просторную рубашку, не раздражающую рану. Возиться с повязкой не стоило: все равно

к утру на плече останется только розовая полоска шрама, а через пару дней исчезнет и она.— Слушай, колдун, ты что, действительно считал меня такой идиоткой? Поэтому первые дни и дергался от каждого шороха, да? Ждал, когда же наконец объявится мое «дитяtko»?

Верес промолчал. Я презрительно фукнула на свечу и, негромко, но выразительно хлопнув дверью, удалилась в комнату. Долго ворочалась под одеялом, пытаюсь устроиться так, чтобы и мне было уютно, и плечу удобно. А когда уже начала засыпать...

— Извини,— чуть слышно сказал он в темноту.— И спасибо.

Я не ответила. Да он и не ждал.

И правда, дней десять было тихо.

Эта поддельная тишина беспокоила меня еще больше. Никаких следов вурдалака или его хозяина я так и не обнаружила, хотя облазила всю округу и обнюхала каждый пенек. Рука к утру и впрямь зажила, но ныла и плохо сгибалась еще несколько дней, так что на рожон я старалась не лезть, сначала принюхивалась и прислушивалась, а уж потом выходила на открытое место или совалась в подозрительный овражек.

Ничего. Такое ощущение, словно он материализовался посреди поляны с кабаном, погонял меня по лесу и, отрастив пару крылышек, живьем вознесся на небеса с зеленоватого, исчерканного коньками льда Прудков. Бесовщина какая-то!

В конце недели, засветло возвращаясь с работы, я, скорее прогулки ради, чем надеясь что-либо обнаружить, сделала крюк и навестила капкан (ночью я к нему близко не подходила, взяв трехногий след от края полянки). Естественно, ни вурдалака, ни лапы.

«Съел, зараза, чтобы зря не пропадало,— с досадой подумала я,— воронье или прочие падальщики вряд ли на такую дрянь покусятся». Решила забрать и переставить капкан, но вовремя насторожилась. На снегу вокруг него не было крови. Ни капли, хотя погода с той ночи держалась ясная, замести не могло. Даже зубья блестели, как отполированные.

Пока я, не спешиваясь, сидела и думала, а Дымок покорно ждал, посапывая в два парка, из-под заснеженной кочки выбралась жирная полевка, умыла мордочку и побежала по своим мышинным делам. Я, не удержавшись от искушения, грозно шикнула, заставив ее подскочить и без оглядки кинуться наутек. Мимо капкана. Легкое колебание воздуха, как возле открытой в морозный день двери, синеватая россыпь искорок на рыжей шерстке — и полевка исчезла, словно слизнутая невидимым лисьим языком. Снег так и остался нетронутым.

Я решительно завернула коня, даже не поэкспериментировав с шишками-палками. Там, где не обошлось без одного колдуна, обходиться без второго тем более не следовало. К тому же за весь день мне так и не удалось толком перекусить (цапнутую утром со стола краюшку я по-братски поделила с Дымком), а разбираться с проблемами на пустой желудок я не любила.

Подъехав к дому и распахнув калитку, я цыкнула на коня, чтобы тот сам шел к сараю, а сама быстренько пробежалась вдоль заборчика, внимательно изучая отметины на снегу. Та-а-ак... заяц... еще заяц... что, свет клином на моей яблоне сошелся?! Отпечатки подошв... знакомый размерчик! И что же ты тут, голубчик, забыл? Ну так и знала, устроил тайное погребение останков очередной недостаточно летучей кружки! И когда ж вы наконец тяжелые предметы проходить будете, сковородку там или горшок чугунный — авось на голову себе уронишь, может, мозги на место встанут! Представляю, какой бы из тебя столяр вышел... Ладно, что там у нас еще? Крестики вороньих следов, крошки украденной из козьего корытца корки... благодарное темное пятнышко...

Вроде все в порядке.

Я облегченно вздохнула, словно скинув с загривка мешок с ворованной картошкой — не просто тяжелой, но еще и заставляющей шарахаться от малейшего шороха. И уже спокойно, по-хозяйски расправив плечи, подошла к крыльцу, напоследок окинув лес цепким пристальным взглядом.

Мальчишка с явной неохотой поднялся с затекших коленей и начал накрывать на стол. Колдун приветственно кивнул, захлопывая где-то раздобытую Рестом книгу. От-

ложил ее на край постели и, осторожно опираясь на исхудалые руки (правая, только вчера освобожденная от лубков, заметно дрожала), подтянул тело повыше, на торчком стоящую в изголовье подушку. С опасливым интересом принохался к повалившему из печи дыму. Тоже, видимо, увлекся уроком и сам не заметил, как проголодался.

С того памятного вечера у нас с Вересом установилось нечто вроде вежливого нейтралитета, как между двумя вражескими лагерями, в которых кончились стрелы, врукопашную идти что-то не хочется, и воины в ожидании интендантских обозов повадились в складчину варить на нейтральной территории кулеш. Рест играл роль всеми позабытого тысячника, который уныло слоняется вокруг костра, пытаясь отделить своих от чужих, но обе армии от него досадливо отмахиваются, а то и гоняют за дровами.

Подпустить «тысячника» собственно к готовке означало вообще сорвать боевые действия, надолго рассадив воинов по кустам. У оборотней, хвала богам, желудки покрепче... правда, я так и не смогла определить, является ли содержимое глубокой миски густым перловым супом или жидкой кашей, но оно было горячее, сытное и кое-как подцеплялось ложкой, поэтому Рест отделался только ироничным замечанием «А не завести ли нам поросеночка?». Верес, недавно переведенный на общие харчи (хотя я по-прежнему покупала для него белый хлеб и творог, а козье молоко и так все до капли шло ему) и вроде бы смирившийся с домашним питанием, фыркнул в поднесенную ко рту ложку и скептически уточнил: «Думаешь, приживется?»

Мальчишка насупился и, раскопав в закутке потрепанный веник, начал так сердито мести пол, что дремавшая на лавке кошка расчихалась и, примерившись, легко и беззвучно взвилась на высокую печку, затаившись среди тряпья. Только зеленые глаза поблескивают.

Съев девять ложек варева, в десятой я обнаружила что-то маленькое и черное, но, с замиранием желудка приглядевшись, поняла, что это всего лишь уголек. Однако аппетит уже пропал, и я, еще немного поковырявшись в остывающей, все более вязкой субстанции (наверное, все-таки каша!), отодвинула миску.

— Верес, что может означать внезапно исчезнувшая мышь?

— Внезапно возникшую кошку, — улыбнулся колдун, но я ответила таким мрачным взглядом, что ему сразу расхотелось шутить.

— Неприятный запах? Дым? Звук? Оставшееся пятно?

— Нет. Только легкое свечение.

— Я бы сказал, что это телепорт-ловушка, — подумав, действительно сказал он. — Жертва активирует его своим теплом и мгновенно переносится в клетку.

— Далеко?

— На пару верст. Если усилить входной портал амулетом — до десяти.

Я досадливо чмыкнула носом. Сам капкан выглядел вполне обыкновенно, но амулет вполне мог быть зарыт в снег под ним. Значит, будем считать по максимуму... Леший, даже за неделю не оббежать, тем более что в этот круг попадает весь Выселок. Там-то как загадочного ловца искать? В каждую дверь стучаться и спрашивать: «Извините, это не вы ли мой капкан заколдовали?» А ведь в городе он, скорее всего, и прячется, схоронив клетку где-нибудь в подвале, крепко запертом и без окошек. Проверяют ее, думаю, по утрам, как обычную крысоловку, пока добыча не завонялась... стоп. Хе-хе!

— Шелена, что-то случилось? — осторожно поинтересовался Верес, не дождавшись продолжения разговора. Веник продолжал ритмично, но неестественно шебуршать по одному месту — любопытство пересилило обиду, и мальчишка, усиленно напуская на себя оскорбленный и независимый вид, жадно прислушивался.

— Нет, — тоном «да, но не твое дело!» отрезала я, вставая из-за стола.

Колдун укоризненно сдвинул брови, но ничего не сказал. Веник еще яростнее заскреб по полу, пыль взметнулась чуть ли не до потолка, выкурив меня из кухни эффективнее ладана. Нет, эти храмовые штучки на меня не действуют, просто запах противный. Серебро еще туда-сюда, прикасаться к нему я не люблю, но и рассчитывать, что с поджатым хвостом убегу при виде торжественно предьявленного мне крестика из этого металла, весьма опрометчиво. А уж се-

ребряной, самой ходовой монеткой меня тем более не отпугнешь!

И видел бы волийский коллега Вереса, малость тронутый на охоте за нежитью ведьмак, как упущенный им оборотень на следующий день тщательно осматривает место неудавшейся засады и выколупывает из стволов серебряные арбалетные болты, дабы продать их ювелиру и хоть немного компенсировать моральный ущерб...

Верес стрелял куда лучше.

Я сердито фыркнула, злясь скорее на себя. И, разложив по расстеленной на полу холстине пучки трав, скрутки коры, терпко пахнущие пакетики, маленькие терочки-ступочки, а в центре водрузив горшок с топленным гусиным жиром, углубилась в составление мази под хорошо оплаченный заказ — естественно, в обход знахарской кассы.

Думалось под это рутинное и вместе с тем увлекательное занятие просто замечательно.

Поздно вечером, когда колдун уже заснул, а мальчишка при рыжеватом свете свечи терпеливо царапал пером пергамент, переписывая заданное мастером заклинание, я неожиданно нависла у него над плечом и вкрадчиво поинтересовалась:

— Слушай, где ты раздобыл столько дохлых ворон?

Рест, и без того настороженно косившийся на меня из-под отросшей челки («неужто про кружку узнала?!»), окончательно стушевался:

— Мальчишки возле портовых складов из луков стрелять учатся, ну, я и насобирал... там приезжие купцы зерно хранят, ворон уйма...

— Еще парочку принести можешь?

— Зачем?

— Суп сварю, — съязвила я. — А то человечина уже в горло не лезет.

— В горшке еще каша осталась, — не сдержавшись, злобно напомнил он.

Стоящее на припеке «яство» успело застыть и покрыться серовой слизистой корочкой. Когда пять минут назад я попыталась выдернуть позабытую в нем ложку, приподнялся весь горшок.